

Чу Сунхуэй медленно опёрся руками о пол, поднялся и замер ни живой ни мертвый.

Чжао Мусяо не видел его выражения лица, но, не услышав в ответ ни звука, невольно испугался. Все-таки перед ним стоял любимец самого императора, могущественный и знатный Сюэи-хоу. К тому же, едва прибыв в Пиду, юноша только и слышал, что этот человек обладает диким, своенравным нравом и спуску никому не даёт. Если он сейчас оскорбит его, не навлечет ли это беду на весь дом Цзин-вана?

— Ты... — Чжао Мусяо закусил нижнюю губу, пытаясь сохранить гордый вид. — Ты же сам сказал — делай со мной что хочешь, бей и ругай.

— Да... — Чу Сунхуэй подошёл ближе и хрипло произнёс: — Да, это я сказал. Я не сержусь, я просто... просто...

Место от удара в груди странно зудело, и сердце колотилось где-то в горле. словно его легко задела лёгким птичьим пером — непередаваемое, щемящее ощущение.

Чжао Мусяо не понимал, с чего вдруг тот начал запинаться, но тут же вспомнил о своих делах — в колене снова заняла тупая боль.

— Ладно, забудь, я все равно не смогу это толком объяснить, — Чу Сунхуэй быстро отодвинул эти мысли на второй план. — Сяо-Сяо, послушай, давай сначала смажем рану.

От того пинка Чжао Мусяо действительно от души вложил силы, потревожив ушибленное колено, так что лекарство было жизненно необходимо. К тому же Чу Сунхуэй вёл себя донельзя настойчиво, а Чжао Мусяо все еще опасался его влияния и высокого положения, поэтому ему пришлось скрипя сердце согласиться.

Он с каменным лицом, подчеркнуто холодно кивнул, хотя и едва заметно.

От этого крошечного жеста Чу Сунхуэй мгновенно расцвел. Растерявшись от радости, он с замиранием сердца закатал широкие рукава. Получив дозволение, он наконец присел на край ложа, но вместо открытой на столе баночки достал из-за пазухи совершенно новый фарфоровый флакон нежно-бирюзового цвета — от этой прохладной на ощупь мази исходил легкий освежающий аромат. То была та самая знаменитая «Небесная роса».

Чжао Мусяо неторопливо запахнул полы халата и приподнял одежду.

На его белой коже отчетливо виднелись темные синяки, а на колене красовалась ссадина, из которой сочилась кровь. На фоне безупречно белой кожи это зрелище выглядело до боли пугающе.

Волна жгучего раскаяния накрыла Чу Сунхуэя с головой. Сердце сжалось от жалости, он торопливо принялся аккуратно наносить мазь и перевязывать рану, приговаривая:

— Прости меня, Сяо-Сяо, я не должен был гнаться за тобой. Если бы не это, ты бы не пострадал. Сильно болит?

— Хватит притворяться, — фыркнул Чжао Мусяо, считая его слова странными. — Ты же Сюэи-хоу, великий генерал! Раны, получаемые на поле боя, куда страшнее и суровее моих мелких ушибов.

— Сяо-Сяо... — в груди Чу Сунхуэя защемило от горькой обиды. — Все совсем иначе. Ты пострадал, и виноват в этом я.

Чжао Мусяо и без того злился, а от этих слов разозлился еще сильнее.

Сколько себя помнил, никто и никогда так бессовестно его не обманывал. Знай об этом его учитель, он бы сначала запретил ему ужинать за провинность, как следует отлупил, а потом схватился за меч и собственноручно снёс голову этому лжецу Чу Сунхуэю, чтобы защитить ученика... Но учителя рядом не было, а Чу Сунхуэй обладал такой властью, что никакой меч его не возьмёт.

— Прости меня, Сяо-Сяо, — шептал Чу Сунхуэй, двигая пальцами предельно бережно и мягко.

Он честно и без утайки пересказал всю историю их знакомства в Линчжоу — все совпало точь-в-точь с тем, что Чжао Мусяо сам успел надумать.

— Это все моя вина, я не должен был тебя обманывать. Тогда мной будто завладели демоны, сам не знаю почему, я вдруг решил выдать себя за твоего жениха... — Чу Сунхуэй со страхом и трепетом ловил малейшие изменения на лице юноши. Его пальцы едва касались нежной кожи голени. Сглотнув застрявший в горле ком, он тихо добавил: — Сяо-Сяо, позже я во всем разобрался. Я понял, что заинтересовался тобой с самого первого взгляда, это была любовь, поэтому я и... Но тогда я еще не осознавал своих чувств, а теперь получается, что причинил тебе боль. Умоляю, прости меня. Я сделаю всё, что ты пожелаешь, только прости, хорошо?

Ощувив тепло на ноге и окончательно взбешенный бесстыдными речами генерала, Чжао Мусяо вспылil:

— Да ты чистой воды бред несёшь! Какая еще любовь с первого взгляда? Спрошу я тебя: когда мы впервые встретились на расписной лодке, ты ведь меня отравил, признайся?

Чу Сунхуэй едва не выплюнул легкие от страха, на лбу выступил пот:

— Я... я думал, что ты подосланный шпион, вот и решил проверить...

Сяо-Сяо был донельзя умен, обмануть его оказалось совершенно невозможно.

— Да кто станет нанимать слепого юношу шпионом?! Ты просто отъявленный лжец! Еще среди ночи придумывал небылицы, будто нельзя одновременно есть зеленые бобы и окуня с листьями лотоса. И надо же было мне, ничего не смыслящему в медицине, поверить твоим сказкам! Я еще думал, какой ты славный человек, и даже согласился поддерживать с тобой помолвку. Скажи честно, ты тогда безумно радовался, да? А потом, когда я так привязался к тебе и всем сердцем полюбил, ты, наверное, ужасно гордился собой?

Чжао Мусяо по-прежнему отчитывал его медленно и монотонно.

Каждое слово звучало мягко, без нажима.

Но для сердца Чу Сунхуэя это стало настоящим смертельным ударом — казалось, в него со всех сторон полетели тысячи острых стрел под проливным дождем.

— Весь этот год... ты ушёл, ничего не сказав, а я... я дни напролет только и делал, что сходил с ума от дурных мыслей, изнывал от тоски и боли. Мне казалось, будто вся та теплота была лишь прекрасным сном, я даже боялся, вдруг с тобой... — чем дальше говорил Чжао Мусяо, тем сильнее сгорали его щеки от жгучего стыда, обиды и гнева. Оборвав себя на полуслове, он яростно оттолкнул генерала, резко опустив подол и застегнув одежду. — Ты... ты просто бессовестный обманщик, который только и умеет, что измываться над людьми!

Чу Сунхуэй машинально попытался схватить его за руку, но в ответ получил резкий и звонкий шлепок по пальцам.

Ладонь тут же покраснела.

— Сяо-Сяо...

Чжао Мусяо яростно зажал уши руками:

— Больше смей меня так называть! Раз уж все карты раскрыты и каждый вернулся на своё место — быть тебе твоим Сюэи-хоу, оставаться в Пиду на вершине власти, а мне — побыть маленьким князем дома Цзин-вана. После завершения всех церемоний я вернусь в Линчжоу, и мы станем жить так, будто наши дороги никогда не пересекались!

Чу Сунхуэй окончательно потерял рассудок. Бросившись на колени возле самого ложа, он в отчаянии взмолился:

— Разве так можно...

Слух у Чжао Мусяо был слишком хорош. Прижав пальцы еще плотнее к ушам, он возмущенно фыркнул:

— Именно так и должно быть! Мы с тобой изначально чужие люди. У меня есть настоящий жених, а ты — бессовестный самозванец! Больше смей ко мне не приближаться, у меня теперь есть законный жених.

Лицо Чу Сунхуэя побелело, и он поспешно повысил голос:

— Этот Чу Суй! Сколько дней он пробыл в Линчжоу и ни разу не навестил тебя? А в назначенный день прождал совсем немного, после чего преспокойно уехал в столицу сдавать экзамены, чтобы поступить на службу в Академию Ханьлинь. И за эти полтора года он не прислал ни единой весточки, не удосужился объяснить хоть словом — этот человек явно с гнильцой!

— Все равно лучше лживого Хладнокровного Хуэя! — разозлился Чжао Мусяо. От усердия у него уже заболели уши, но он всё равно прекрасно слышал каждое слово.

Переведя дыхание, он отрезал:

— Я уже предельно ясно всё высказал, на этом и закончим. Если бы ты не был Хуэйем, я бы

обязательно заставил тебя заплатить... Короче говоря, не смей больше докучать мне.

Видя, как у него от обиды покраснели глаза, вспоминая, как тот изводил себя тоской весь этот год, Чу Сунхуэй был готов отдать что угодно, лишь бы повернуть время вспять и прибить себя самого за ту дурацкую шутку с чужой ролью — лишь бы Сяо-Сяо больше не плакал.

Он хотел успокоить юношу, но встретил лишь глухую стену отчуждения. Опасаясь за его больные глаза, маркиз решил пока отступить и вымолить прощение в другой раз.

Голос его прозвучал глухо и тяжело:

— Сяо-Сяо, береги себя. Я возвращаюсь домой, но скоро пришлю лекаря с мазями.

Чжао Мусяо оставил его слова без ответа.

С трудом переборов терзавшую его тоску, Чу Сунхуэй тяжело развернулся и зашагал к выходу.

— Стоять!

Услышав оклик, он замер и с надеждой обернулся, сияя лицом:

— Сяо...

Но вместо ответа в него полетел какой-то свёрток.

Инстинктивно поймав вещи, Чу Сунхуэй сжался: это были те самые вышитый мешочек для благовоний, нефритовый кулон и заветный флакон «Пилюли бессмертных», что он когда-то дарил ему.

Лицо маркиза осунулось.

— Возвращаю всё назад, — протянул руку Чжао Мусяо. — А теперь верни мне нефритовый кулон Чу Суя.

— Какой еще кулон... — попытался сделать вид, что ничего не понимает, Чу Сунхуэй.

— Тот самый обручальный кулон, что император даровал нашей семье в прошлые годы, — Чжао Мусяо прекрасно знал, что тот таскал его с собой. — Эта вещь принадлежит другому человеку, присваивать её себе бессовестно.

На сердце у Чу Сунхуэя стало совсем темно:

— Отдам его тебе, а ты кому собираешься его вручить?

— Кому положено, тому и верну. — Чжао Мусяо громко позвал слугу: — Ань-тун!

Слуга стремглав влетел в комнату, стараясь даже не коситься на грозную фигуру Хладнокровного Хуэя:

— Маленький князь, я здесь!

— Ступай, позови господина Чу.

Ань-тун мигом привёл ошеломленного и дрожащего от страха Чу Суя. Тот вошёл и тут же перехватил свирепый, полный ярости взгляд Чу Сунхуэя.

А за приоткрытой дверью тем временем вились силуэты подглядывающих князя Цзин, его супруги и Чжао Сяня.

Нетерпеливо поторопив гостя, Чжао Мусяо произнёс:

— Неужто прославленный Хуэй опустился до повадок лесного разбойника и зарится на чужое имущество? Не заставляй столичных зевак смеяться над тобой.

Скрипнув зубами и понимая, что правда не на его стороне — чужое есть чужое, — Чу Сунхуэй с легкой тоской и бешеной злобой отстегнул нефритовый кулон от пояса и бросил его Чу Сую. Пропедев сквозь зубы:

— Чжу-гунцзы, берегите свою драгоценность. Если потеряете снова, второго такого дурака подбирать не будет.

— Д-да, благодарю маркиза за наставление! — у Чу Суя от одного этого грозного тона ладони вспотели так, будто он держал в руках раскаленный уголь.

Получив кулон, он поспешил откланяться, не смея задерживаться ни секунды под давящим взглядом генерала.

Проводив его взглядом, Чжао Мусяо протянул руку:

— А теперь отдай бамбуковую флейту.

Сердце Чу Сунхуэя рухнуло в пропасть. Тихо пробормотав:

— Ты же сам подарил её мне... почему теперь забираешь?

— Я делал её своими руками, но вовсе не для тебя, а для своего жениха! А ты оказался всего лишь лжецом. Теперь, когда маски сброшены, изволь вернуть вещь законному владельцу.

Пытаясь протестовать, Чу Сунхуэй заупрямился:

— Неправда, Сяо-Сяо! В той беседке тебя ждал именно я, и флейту ты вручил мне, никакого постороннего Чу там не было и в помине.

— Верни её. — Голос Чжао Мусяо похолодел.

При всей своей утонченной, мягкой внешности, когда он вот так упрямо сжимал губы, от него веяло таким холодом, что даже грозному маркизу стало не по себе.

Поколебавшись, Чу Сунхуэй отвязал флейту со спины и с тяжелым сердцем протянул её, невольно продолжая удерживать за один конец:

— Только... не отдавай её этому типу...

Резко дернув за инструмент, Чжао Мусяо обнаружил, что тот не поддается. Разозлившись еще сильнее, он упёрся в размытый силуэт невидящим взглядом.

Чу Сунхуэй испуганно разжал пальцы.

Издав сухой глухой треск, изящная бамбуковая флейта прямо посередине переломилась пополам.

Чжао Мусяо безжалостно швырнул обломки за окно и холодно бросил:

— Вот и всё, теперь мы квиты. Ты — Хладнокровный Хуэй, своими руками казнивший князя Цзяня, любимец императора, к которому государь относится как к родному сыну. А мы — опальное семейство князя Цзин, выброшенное на задворки и не милое августейшему взору. Учитывая все наши обстоятельства, лучше обоим сделать вид, что мы никогда не были знакомы. Прошлое поросло травой. Больше не показывайся здесь, избавь наш дом от лишних хлопот.

— Сяо-Сяо...

Чу Сунхуэй даже не заметил, как его голос сорвался на дрожь. Он приоткрыл рот, но в горле застрял тяжелый, удушливый ком, а глаза мгновенно покраснели.

Чжао Мусяо плотно сомкнул веки. Глаза саднило от сухой боли, а белках проступили красные прожилки.

«Прости, Сяо Сяо», — тихо ответил Чу Сун и добавил: «Тебе следует приложить компресс к глазам»

Чжао Мусяо опустила ресницы, словно не расслышав его слов.

Похоже, это был крах отношений.

Чу Сонхуэй не понимал, что чувствует, выходя из дома князя.

Словно окончательно рубя любые мосты.

Сам не понимая, в каком тумане он покидал эти комнаты.

И как механически подбирал с травы во дворе обломки расколотой флейты.

Вернувшись в усадьбу маркиза на быстром коне, он едва не споткнулся на парадных ступенях.

И просидел так до самого вечера на галерее, сжимая в озябших пальцах чужой мешочек и тщетно пытаясь извлечь хоть звуки из надломленной пополам флейты.

Мелодия выходила фальшивой, глухой и жалобной.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/18550/1866989>